ДМИТРИЙ ЛАРШИН

РОМАН

СЕРАЯ ТИШИНА

Воронеж. Пять лет после

Волдырь · Баллон

Дмитрий Ларшин

Серая тишина. Воронеж. Пять лет после

«Автор»
2026

Ларшин Д.

Серая тишина. Воронеж. Пять лет после / Д. Ларшин — «Автор», 2026

© Ларшин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Ларшин
Серая тишина. Воронеж. Пять лет после

Мёртвая Ангара
Дмитрий Ларшин

Мёртвая Ангара
Пролог. Ночь Ангары

Диспетчер станции Иркутск-Сортировочный Галина Петровна Зырянова потом, в больничной палате далёкого Красноярска, много раз пыталась вспомнить, какая в ту ночь была погода. Следователям она говорила: ясная. Врачам — что шёл снег. Лишь через неделю, когда ей перестали колоть успокоительное, она сказала правду: никакой погоды не было. Была тишина. Такая плотная, какая бывает только в октябре на Ангаре, когда река ещё не встала, а воздух уже мёртв и звенит от холода.

Было без двадцати четыре утра. Четырнадцатое октября.

Галина Петровна сидела в диспетчерской, под зелёной настольной лампой, и разгадывала кроссворд. Она всегда разгадывала кроссворды в ночную смену. Сорок лет на железной дороге научили её простой вещи: ночью не нужно смотреть на пути. Ночью нужно слушать. Каждый состав говорит по-своему. Порожняк гремит, как пустая бочка. Лес идёт мягко, с придыханием. Нефть — тяжело, с низким утробным гулом, будто что-то большое и сытое ворочается под полом.

В ту ночь она услышала то, чего не слышала никогда. Два состава говорили одновременно, на одном пути, и голоса их шли навстречу друг другу.

Она потянулась к рации. Успела сказать только: «Сорок первый, сорок первый, немедленно…» — и тут окно диспетчерской стало белым.

Позже комиссия по расследованию соберёт картину по минутам, хотя половина документов в итоге окажется засекречена, а вторая половина — сожжена. Маневровый тепловоз, которым управлял помощник машиниста, наглотавшийся накануне дешёвой водки на дне рождения, выехал на главный путь вместо запасного. Навстречу шёл транзитный состав из двадцати шести цистерн. В цистернах, согласно накладным, находился жидкий хлор, технический аммиак и «продукты органического синтеза, класс опасности 6.1».

Накладные врали. Врали с самого начала, ещё в Ангарске, где цистерны наполняли: на деле двенадцать из них шли не на комбинат, а на закрытую площадку на окраине Иркутска, в Радищево, к тихому двухэтажному зданию с табличкой «Региональная база хранения реактивов». На эту базу, по документам, не поступало ничего и никогда.

Удар был такой, что в Свердловском районе вылетели стёкла в домах на расстоянии километра. Первые две цистерны лопнули по швам. Хлор, тяжелее воздуха, потёк по земле жёлто-зелёной рекой, заполняя канавы, дворы, подвалы. Но настоящая беда была в других цистернах. В тех, что стояли в середине состава. На них не было ни маркировки, ни номеров, только тусклые серые бока и аккуратные трафаретные цифры, которых не найти ни в одном справочнике.

Пожар начался через четыре минуты. Через одиннадцать минут в центре цистерны, за которой тянулась тонкая струя прозрачной жидкости, вскипело нечто, что никто никогда не видел кипящим. Над сортировочной поднялся столб. Не огня, не дыма. Столб был похож на тёмно-розовую взвесь, как если бы кто-то разбавил небо ржавой водой. Он поднялся на двести метров и там остановился, будто решал, куда ему лететь.

В ту ночь ветер дул с запада, вдоль долины Ангары, в сторону центра города.

Столб решил.

Старший лейтенант МЧС Дмитрий Корешков в ту ночь дежурил на пожарной части в Октябрьском районе. Он только что сдал нормативы по изолирующим аппаратам, вернулся в дежурку и поставил чайник. Ему было тридцать восемь лет, он был крепкий, широкий, медлительный человек с тихим голосом и с привычкой подолгу не мигать. Баллон дыхательного аппарата он повесил на крюк рядом с койкой, как другие вешают на гвоздь шапку.

Тревога пришла в четыре ноль две. Сирена в части взвыла, и ребята посыпались с коек. Через три минуты расчёт уже сидел в машине. Диспетчер говорил в динамик что-то сбивчивое: «Сорто… авария… хлор… давайте все, всем, всем, ветер на город».

Корешков застегнул ремни, проверил давление в баллоне и вдруг, неожиданно для себя, достал телефон и набрал жену.

Она ответила не сразу. У Лены в ту неделю были ночные в Ивано-Матрёнинской больнице, куда её устроили после училища, и на ночных она всегда держала телефон под подушкой на кушетке в ординаторской.

— Дим? — голос у неё был сонный, тёплый. — Что-то случилось?

— Ничего, — сказал он. — Тревога. Слушай, если вдруг объявят, уходи из города. Сразу. Не жди меня, не ищи. Просто бери такси и до Шелехова, к тётке.

— Дим, ты чего? Какой город?

— Просто уходи, ладно? — он закрыл глаза. — Я люблю тебя.

— И я тебя, дурачок, — она засмеялась. — Езжай, не паникуй.

Это был последний раз, когда он слышал её голос.

Через двенадцать минут после взрыва в военном городке на окраине сработала тревога, но офицер дежурной части, молодой лейтенант Артём Сомов, не сразу понял, что происходит. Он сидел над рапортом и пил остывший кофе, когда на пульте замигали красные лампы. Позвонил в штаб, ему не ответили. Позвонил на сортировочную, никто не взял трубку. Тогда он поднял взвод, не дожидаясь приказа, потому что с детства усвоил простое правило: если не знаешь, что делать, иди туда, где беда. Через сорок минут вся его рота лежала на мокром асфальте у кордона, в розовом тумане, с улыбками на лицах. Он оказался единственным, кто, предчувствуя недоброе, остался на посту у ворот части, закрыл их и надел противогаз.

В самом центре города, в нескольких кварталах от площади Кирова, в ту ночь не спал только один человек. Профессор Виктор Аркадьевич Ланге, рыжий, как лис, и сутулый, как старый журавль, сидел в подземном этаже бывшего института биологии на улице Ленина, в окружении тихо гудящих термостатов, и смотрел на экран, где ползла тонкая зелёная линия.

Ему было пятьдесят шесть лет. Двадцать из них он провёл в операционных, в военных госпиталях, в палатках, под обстрелами, в подвалах разрушенных школ, где вместо операционных столов служили парты. Он держал в руках сердца мальчишек, которым было девятнадцать. Он собирал по частям лица. Он удалял осколки из мозга и учился на ходу, потому что учебников для такого не писали. И каждый раз, когда он выходил после операции из палатки на свежий воздух, вытирал руки о фартук и закуривал, он думал одну и ту же мысль.

Если бы они были чуть крепче.

Не сильнее. Не храбрее. Просто чуть крепче. Если бы кость срасталась за сутки, а не за два месяца. Если бы кровь свёртывалась сама, когда в неё входит металл. Если бы клетка умела чинить себя так же быстро, как умеет ящерица, что отбрасывает хвост и через неделю отращивает новый.

Он написал об этом в рапорте. Потом ещё в одном. Потом его вежливо выслушал генерал, у которого были слишком гладкие руки. Потом было закрытое совещание, на котором Ланге увидел людей без фамилий. И потом, спустя год, он оказался здесь, в Иркутске, под землёй,

с бюджетом, которого не было ни в одном бюджете страны, и с названием проекта, которое выбрал сам: «Колыбель».

Зелёная линия на экране дрогнула. Он подался вперёд.

— Ну же, — прошептал он. — Ну же, маленький.

В боксе за стеклом, в прозрачной ёмкости, наполненной янтарной жидкостью, что-то шевельнулось. Не плод. Не человек. Но уже и не просто клетки. Оно было длиной в ладонь, свёрнутое калачиком, с тонкими, невероятно длинными пальцами, и оно медленно открывало глаза.

Ланге почувствовал, как в груди у него расплывается тёплое, почти болезненное счастье. Двадцать лет. Двадцать лет он шёл к этому.

И в этот миг дрогнул пол.

Это был не взрыв. Взрыв он услышал бы. Это был глухой, глубокий удар откуда-то с востока, от сортировочной, отозвавшийся в бетоне, в стёклах, в самой воде в ёмкостях. Лампочки мигнули. Зелёная линия на экране рванулась вверх и упала.

— Антон! — крикнул он. — Антон, что это?!

В дверь ворвался лаборант, бледный, без халата.

— Виктор Аркадьевич, станция! — Он задыхался. — Там цистерны. Наши, с «Гелиосом». Там цистерны, понимаете? Двенадцать наших цистерн!

Ланге медленно повернул голову к нему.

Он был хирургом. Он умел в самые страшные секунды ставить внутри себя тишину, как ставят жгут. Он поставил её и сейчас.

— Сколько у нас времени до ветра?

— Не знаю! Минут сорок, может, меньше!

— Всех вниз. Герметизировать вторую и третью зоны. Запереть шлюзы.

— А город? — спросил Антон. — Виктор Аркадьевич, там же город!

Профессор посмотрел на ёмкость. Существо в ней уже закрыло глаза и снова заснуло. Янтарный раствор мягко светился в полутьме.

— Город, — тихо сказал он, — нам уже не поможет.

Антон Рябов выбежал на крышу института в четыре двадцать две и остановился, потому что дальше бежать было некуда.

Ему было двадцать шесть лет. Он работал в «Колыбели» с самого начала, четвёртый год, и за это время ни разу не поднимался наверх в такое время суток. Ночью лаборатория жила под землёй, как подводная лодка: без часов, без окон, с одним и тем же ровным светом ламп. Он забыл, как выглядит небо.

Сейчас оно было розовым.

Не закатным, не рассветным. Розовым, как внутренность раковины, как кожа новорождённого. От сортировочной, километров за пять, поднимался столб, огромный, медленный, и вершина его, растекаясь, уже закрывала звёзды. Из столба сыпалось что-то мелкое, почти невидимое, похожее на пыльцу.

— Господи, — прошептал Антон. — Господи, что мы наделали.

На соседней крыше, через улицу, стоял человек. В пижаме, с кружкой в руке, он смотрел на небо с тем открытым, глуповатым любопытством, с каким смотрят на северное сияние. Антон закричал ему, замахал руками: «Уходите! Закройте окна!» Но человек не услышал, потому что был слишком далеко. Он просто стоял и смотрел.

Антон вернулся в люк. Спустился по лестнице, пробежал по коридору и в диспетчерской налетел на Ланге.

— Виктор Аркадьевич, надо предупредить людей!

— Как?

— Не знаю. Позвонить. Дать сигнал. Включить сирены.

— Они не работают. — Ланге говорил спокойно, и от этого спокойствия у Антона заныло в животе. — Станция сгорела. Связь с городом нарушена.

— Тогда пойти самим. Постучать в двери.

— Сколько у вас дверей, Антон?

— Не… не понимаю.

— Шестьсот тысяч человек. Сорок минут. — Ланге снял очки, протёр, надел. — Мы никого не успеем предупредить. Мы можем только закрыть себя, чтобы продолжить работу.

— Продолжить?! — Антон впервые в жизни повысил на него голос. — Вы собираетесь продолжать, пока там…

— Именно поэтому. — Ланге взглянул на него в упор. — Если мы остановимся, всё, что произошло, станет бессмысленным. Если продолжим, у этих людей будет хоть какой-то шанс.

— Какой?

— Не знаю. Пока не знаю.

Он повернулся, пошёл к шлюзу. На пороге остановился.

— Идёте со мной или остаётесь?

Антон стоял, сжимая кулаки. Он думал о матери, которая жила в Свердловском районе и звонила каждое воскресенье. О брате. О девушке по имени Вера, с которой не успел помириться.

— Остаюсь, — сказал он.

Но, произнеся это, он уже знал, что не останется.

Через три года он выйдет к кордону, больной и истощённый, и протянет сержанту флешку. И когда сержант спросит, зачем, он ответит единственное, что сможет: «Чтобы кто-нибудь пришёл».

Столб поднялся над Иркутском в четыре часа двадцать минут. К пяти утра розоватое облако заполнило долину. Оно медленно текло по улицам, ныряло в дворы, вползало в подъезды, в метро которого не было, в подвалы, в канализацию. Оно не пахло. Оно не обжигало. Люди, вдохнувшие его, чаще всего даже не успевали понять, что произошло: просто становились какими-то тихими, и тяжёлыми, и очень, очень спокойными.

К шести утра город объявили закрытым. К восьми федеральные трассы перекрыли войсками. К полудню по всем каналам пошло сообщение о «крупной техногенной аварии на железной дороге с выбросом химически опасных веществ». Людей вывозили колоннами, по тридцать тысяч в сутки, на автобусах, на поездах, на военных «Уралах». За первые три дня из города вывезли четыреста с лишним тысяч человек. Из шестисот тысяч.

Остальных не вывезли.

Старший лейтенант Корешков четвёртые сутки подряд работал в оцеплении возле Нового моста, в костюме Л-1, с маской на лице, с баллоном за спиной. Он вытаскивал из подвалов живых. Потом вытаскивал уже не только живых. А потом, на пятые сутки, подполковник из штаба в закрытом бронежилете, с лицом без выражения, собрал отряд и объявил, что вход в город с этого момента закрыт. Всем. Всем без исключения. Работы по эвакуации прекращены. Остававшиеся жители «признаны не подлежащими спасению по соображениям безопасности».

Корешков помнил, как стоял на мосту, слушая это, и как рядом молодой парень, лейтенант, плакал, не стесняясь, прямо в маску. Помнил, что сам не заплакал. Помнил, что очень спокойно спросил:

— А моя жена? Она в Ивано-Матрёнинской. Ординаторская на третьем.

— Дмитрий Анатольевич, — сказал подполковник, не глядя на него. — Я понимаю. Но это приказ.

Корешков кивнул. Потом снял каску. Потом положил её на асфальт, аккуратно, как кладут на могилу цветы. И пошёл к реке.

Его догнали у самой воды. Двое ребят из его же расчёта, бывшие друзья. Они держали его, пока он не перестал вырываться. Они повторяли: «Дим, Дим, там уже никого, там все». Он слушал это с пустым лицом и всё смотрел на другой берег, где в сером утреннем свете горели жёлтые окна пятиэтажки. Горели, хотя в городе давно не было электричества.

Он не знал тогда, что окна горели не просто так.

Он не знал, что в тот день в подвале на улице Ленина бывший военный хирург Ланге, глядя на экраны, на которых ползли тревожные красные линии, впервые произнёс вслух слова, которые станут потом центром его жизни и его безумия:

— Они не мертвы. Они меняются.

И он не знал, что через три года ему, Корешкову, предстоит вернуться.

Глава 1. Заказ

Шелехов в начале ноября выглядел так, как выглядят города, которые давно перестали ждать хорошего. Серые пятиэтажки, чёрные ветки тополей, мокрый снег пополам с грязью. Над алюминиевым заводом стоял жёлтый дым, и ветер гнал его к реке. Люди на остановках стояли, опустив головы, и в каждом из них, если присмотреться, было что-то общее: будто они все слушали, не гремит ли за горизонтом.

За горизонтом не гремело. Но все знали, что там, в тридцати километрах на запад, лежит мёртвый город.

Владимир Мельников шёл по Култукской улице, подняв воротник старой армейской куртки, и старался держаться ближе к стенам. Не из осторожности. Просто так было меньше людей, которые смотрят ему в лицо.

Лицо у него было такое, на которое смотрят. Левая половина — обычная, широкая, русская, с серым глазом, с жёсткой щетиной. Правая — другая. От виска до подбородка шла гладкая, натянутая, будто плохо подшитая кожа, вся в буграх и узлах, местами белая, местами тёмно-красная. Волдыри под ней вздулись и застыли, как пузыри на закипевшей краске. Когда он улыбался, улыбалась только левая сторона. Правая оставалась неподвижной, и от этого улыбка получалась жутковатой.

Его так и звали. Волдырь. Сначала это было дразнилкой, потом прозвищем, потом позывным. Он давно не обижался. В конце концов, всякий человек носит на себе то, что с ним сделала жизнь.

У подъезда обычной пятиэтажки он остановился, достал телефон и перечитал сообщение, пришедшее три дня назад с незнакомого номера: «Култукская, 14, кв. 36. 7 ноября, 19:00. Есть работа. Корешков тоже будет. Вход свободный».

Корешков. Он вспомнил это имя не сразу. Не потому, что забыл человека, а потому, что давно привык думать о нём по-другому.

Баллон.

Квартира оказалась пустой. Ни мебели, ни ковров, только голые стены с остатками обоев в мелкий цветочек, один стол посередине и четыре табуретки вокруг него. Свет давала единственная лампа под потолком, без абажура. В углу стоял электрический чайник, а рядом с ним, на полу, в картонной коробке, лежала пачка чёрного чая и три гранёных стакана.

За столом уже сидели двое.

Одного Волдырь узнал сразу. Широкий, тяжёлый, с большими спокойными руками, лежащими на столешнице так, будто они весили по пуду каждая. Лицо открытое, немного простоватое, с тёмными кругами под глазами и с неестественной, чуть пугающей неподвижностью взгляда. За три года он постарел сильнее, чем положено. Седина прошла от висков по всей голове, а в бороде, коротко подстриженной, блестели серебряные нити.

— Здорово, Баллон, — сказал Волдырь.

— Здорово, Волдырь, — ответил тот и улыбнулся. Улыбка была усталой, но тёплой. — Ты чего такой кислый? Лицо сегодня не болит?

— Каждый день болит. Привык.

Они обнялись коротко, по-мужски, хлопнув друг друга по спине. Потом Волдырь повернулся к третьему.

Третий был мужчина лет пятидесяти, сухой, подтянутый, в идеально сидящем сером пальто, которое он даже не снял. На столе перед ним лежала тонкая чёрная папка, закрытая на резинку. Лицо у него было из тех, что запоминаются, только если очень постараться. Гладкое, ровное, чуть вытянутое, с аккуратными залысинами и очками в тонкой оправе. Глаза за стёклами смотрели внимательно и без всякого выражения.

— Игорь Павлович, — представился он и привстал, но руки не протянул. — Присаживайтесь, Владимир. Чай?

— Не откажусь.

Волдырь сел. Табуретка скрипнула. Он оглядел стены, потолок, окно, заклеенное газетой. Привычка: оценивать выходы. Из квартиры их было два: дверь и балкон, а балкон на четвёртом этаже.

— Игорь Павлович — это как? — спросил он. — Имя и отчество? Или позывной?

— Это то, как вы будете ко мне обращаться, — спокойно ответил мужчина. — Остальное вам знать не нужно. Как и мне — ваши настоящие имена, хотя я их, разумеется, знаю. Мельников Владимир Сергеевич, тридцать четыре года, уроженец Шелехова, бывший контрактник, затем сапёр-штурмовик частной военной компании. Корешков Дмитрий Анатольевич, сорок один год, бывший старший лейтенант МЧС, химзащитник, водолаз-глубоководник. Ваши досье у меня тоже есть, хотя вы вряд ли хотите, чтобы я их цитировал.

— Не хотим, — сказал Баллон.

— Прекрасно. Тогда перейдём к делу.

Он развязал резинку на папке, открыл её и выложил на стол первый лист. Спутниковый снимок. Серая лента реки, чёрные коробки кварталов, белёсая мгла над центром.

— Вы знаете, что произошло в Иркутске три года назад?

Волдырь хмыкнул.

— Читал то же, что и все. Железнодорожная авария. Хлор, аммиак.

— Читали то, что нужно было читать, — кивнул Игорь Павлович. — Теперь я расскажу вам, что произошло на самом деле. Но предупреждаю: после этого вы либо беретесь за работу, либо уходите, и тогда мы с вами оба забываем об этой встрече. Если вы расскажете кому-либо хоть слово, то, поверьте, вас найдут. Не из угрозы, а из простой практики. Это обычная процедура.

— Рассказывайте, — сказал Баллон.

Рассказ занял сорок минут. Игорь Павлович говорил ровно, не торопясь, без эмоций, как диктор, читающий сводку. Когда он закончил, чай в стаканах давно остыл.

Вот что узнали двое мужчин в пустой шелеховской квартире.

Первое. Авария на станции Иркутск-Сортировочный произошла не случайно в том смысле, что причиной её стал человеческий фактор. Но случайной она была в том смысле, что цистерны, шедшие в составе, не должны были находиться там вовсе. Двенадцать из двадцати шести цистерн везли вещество под названием «Гелиос-7», вирусный вектор, созданный на базе модифицированного аденовируса. Вещество предназначалось для секретной лаборатории в центре Иркутска. Как оно попало в состав с хлором, никто до сих пор не мог объяснить.

Второе. Лаборатория, получившая этот груз, называлась «Колыбель». Формально она не существовала. Она была создана семь лет назад в подвалах и подземных этажах бывшего

института биологии на улице Ленина, в двух кварталах от площади Кирова. Финансирование шло по каналам закрытого фонда, который, в свою очередь, получал деньги из нескольких оборонных контрактов. Руководил проектом бывший полковник медицинской службы Виктор Аркадьевич Ланге, хирург с опытом военных госпиталей на двух войнах.

Третье. Целью проекта «Колыбель» было создание человека нового типа. Не солдата. Не оружия. Организма, способного к ускоренной регенерации тканей, к сопротивлению токсинам и радиации, к многократному увеличению физической силы и скорости реакции. Проще говоря, сверхчеловека. Ланге называл это «следующей ступенью».

— Сверхчеловек, — сказал Волдырь без улыбки. — Серьёзно?

— Серьёзно. — Игорь Павлович не моргнул. — И, судя по тому, что мы выяснили, у него кое-что получилось. Но давайте по порядку.

Четвёртое. После аварии «Гелиос-7» в виде аэрозоля распространился по городу. Вирусный вектор, не рассчитанный на атмосферное применение, начал массово заражать людей и животных. Результаты оказались непредсказуемыми. Часть населения погибла сразу. Часть изменилась. Спустя несколько недель стало ясно, что изменения носят не случайный характер, а подчиняются некоему закону, который, возможно, пока не известен даже самому Ланге.

— Мутанты, — сказал Баллон.

— Мы называем их «носителями», — сказал Игорь Павлович. — Хотя в зоне у них другие названия. Вы увидите.

Пятое. Три месяца назад в зоне отчуждения обнаружили одного человека. Он вышел к кордону на юго-восточном участке, у дороги на Шелехов, ночью, и сдался патрулю. Это был лаборант «Колыбели», Антон Рябов. Тот самый, что в ночь аварии сообщил Ланге о цистернах. Он провёл в зоне три года. Был истощён, заражён, умирал. Но успел передать флешку и рассказать то, что мы сейчас рассказываем вам. После чего скончался в госпитале.

— Что на флешке? — спросил Волдырь.

Игорь Павлович достал из папки второй лист. Схема, нарисованная от руки, потом отсканированная. Подземные этажи, шлюзы, коридоры, лифтовые шахты.

— План «Колыбели». Три уровня под землёй, в бывшем бункере гражданской обороны шестидесятых годов. Ланге не просто пережил аварию. Он продолжил работу. Все эти три года. Лаборатория автономна: у неё есть собственная энергоустановка, запасы, фильтры. И, по словам Рябова, там уже не просто опыты. Там есть результаты.

— Живые? — тихо спросил Баллон.

— Живые, — ответил Игорь Павлович. — Те, кого Ланге называл «первой группой». Несколько существ, выращенных и обученных, как телохранители. Его гвардия.

Наступила тишина. Где-то за стеной хлопнула дверь, прошла по лестнице тяжёлая женщина, ворча на мужа.

— Теперь о вас, — сказал Игорь Павлович и положил руки на стол, сцепив пальцы. — Я работаю не от имени государства. Вернее, не от его официального лица. Никакой «Колыбели» официально никогда не было. Проект финансировали неформальные группы. Государство, как структура, о нём узнало два месяца назад. И, как вы понимаете, ему не хочется, чтобы об этом узнали другие.

— То есть вы хотите зачистить следы, — сказал Волдырь.

— Мы хотим решить проблему, — поправил Игорь Павлович. — Если лабораторию уничтожит армия, это будет война в центре Сибири, о которой через неделю узнает весь мир. Если её не уничтожить, то, судя по данным Рябова, через год-два Ланге закончит. И тогда мы получим армию, которая не подчиняется никому, кроме него.

— А мы, значит, тихо, без свидетелей.

— Именно. Двое. Опытные. Без связей. Без семей, которые будут задавать вопросы.

— У меня есть семья, — сказал Волдырь.

Игорь Павлович чуть склонил голову.

— Да. Дочь, Алиса, восемь лет. Порок сердца. Требуется операция в Москве или за границей. Стоимость — около восьми миллионов. Вы собирали деньги два года и накопили полтора.

В квартире стало очень тихо. Волдырь медленно, очень медленно поднял правую руку и положил на стол. Пальцы, тоже обожжённые, были сжаты в кулак.

— Вы, — сказал он ровным голосом, — не должны были копать так глубоко.

— Я обязан был, — не повышая голоса, ответил Игорь Павлович. — Иначе не пришёл бы сюда. Мне нужны люди, у которых есть причина вернуться. Не герои. Не фанатики. Люди с причиной.

Он повернулся к Баллону.

— У вас она тоже есть, Дмитрий Анатольевич. Ваша жена, Елена, медсестра, работала в Ивано-Матрёнинской больнице. В ту ночь она была на дежурстве. По спискам эвакуации не числится. По спискам погибших тоже.

Баллон не шевельнулся. Только пальцы его лежащих на столе рук побелели в суставах.

— Я хочу, — произнёс он очень тихо, — чтобы вы никогда больше не называли её имя.

— Хорошо.

— Никогда.

— Хорошо, Дмитрий Анатольевич.

Волдырь посмотрел на друга. Они были знакомы шесть лет. Познакомились в Дейр-эз-Зоре, где Волдырь, тогда ещё живой и неповреждённый, расчищал от мин дорогу для колонны, а Баллон, гражданский специалист, приехавший по контракту, снимал с заброшенного завода остатки хлорных цистерн. Они вместе пережили три обстрела, одну засаду и один очень плохой день, который ни один из них никогда не вспоминал вслух. Волдырь знал о Баллоне главное: этот человек не врёт и не бросает. Он знал, что Баллон три года молчал, не говоря ни слова ни про Иркутск, ни про жену. И он знал, что молчание это было не покоем. Оно было как баллон с газом под большим давлением.

— Сколько? — спросил Волдырь.

— По двенадцать миллионов каждому, — сказал Игорь Павлович. — Половину вы получите авансом, сегодня, на счёт, который назовёте. Вторую половину — по выполнении. Если один из вас погибнет, его доля уходит семье. Я готов оформить это на бумаге, хотя бумага эта будет единственной копией и сгорит в этой же квартире.

Волдырь почувствовал, как у него слегка закружилась голова. Двенадцать миллионов. Операция Алисы. Дом на берегу Байкала, о котором он мечтал годами. Лодки. Рыбалка по утрам, как в детстве, когда отец брал его в Листвянку.

— Подожди, — сказал он. — Задача какая? Взорвать эту лабораторию? Одним зарядом?

— Задача трёхчастная. — Игорь Павлович достал из папки третий лист. — Первое: пройти через зону отчуждения от юго-восточного кордона до центра города. Около двадцати двух километров по прямой. По дороге — разрушенные районы, заражённые участки, носители. Второе: проникнуть в «Колыбель» и уничтожить её полностью. Оборудование, материалы, образцы. Особенно образцы. Ни пробирки не должно остаться. Третье…

Он остановился и поправил очки.

— Ланге нужно взять живым.

— Зачем? — спросил Баллон.

— Он знает то, что нам нужно. Не всё записано в архивах. А кроме того, — Игорь Павлович чуть помедлил, — я не уверен, что вы сможете его убить, даже если захотите. Но это уже отдельный разговор.

— Что значит «не уверены»?

— Рябов говорил, что Ланге после аварии начал испытывать на себе. Сначала малые дозы препаратов. Потом большие. Он не сверхчеловек, но он, возможно, уже не просто человек.

— Прекрасно, — Волдырь откинулся на табуретке. — То есть мы идём в мёртвый город, полный тварей, спускаемся в бункер, где нас ждёт гвардия из выращенных монстров, и берём живым хирурга, который сам, возможно, превратился в монстра.

— Совершенно верно. — Игорь Павлович не улыбнулся. — Есть вопросы?

— Один, — сказал Баллон. — Почему мы?

Игорь Павлович помолчал. Потом ответил, глядя прямо ему в глаза:

— Потому что в зону уже ходили. Шесть групп, за три года. Профессиональные, хорошо оснащённые. Ни одна не вернулась. А вы, Дмитрий Анатольевич, — единственный человек за пределами зоны, который знает город изнутри, знает, как он дышит. Вы работали там четыре дня после аварии. Вы спускались в подвалы. Вы знаете, что такое быть там. И вы, Владимир, — человек, который умеет делать так, чтобы мины не взорвались, а взрывы взрывались. Вдвоём вы сильнее, чем шесть групп.

Он закрыл папку.

— Даю вам сутки на размышление.

Они вышли из подъезда вместе, уже в темноте. Мокрый снег усилился, залепил лобовые стёкла стоящих во дворе машин. Сверху, из чёрного неба, падали белые мухи.

Они шли молча. Дошли до остановки, где стоял покосившийся павильон с обрывками рекламы. Присели на холодную лавку.

— Ну что, — сказал Волдырь. — Скажешь, что думаешь?

— Я думаю, что он врёт, — ответил Баллон.

— Игорь Павлович?

— Не во всём. Он не врёт про лабораторию. И про Ланге, наверно, тоже. Но про остальное... — Баллон помолчал. — Слишком хорошо знает про нас. Слишком гладко рассказывает. И слишком много ему нужно от этих двух человек, которые ничего никому не должны.

— Согласен. — Волдырь достал пачку «Беломора», закурил, пряча огонёк в ладонях. — Только вот что. Я всё равно пойду.

— Знаю.

— И ты тоже.

Баллон молча смотрел на падающий снег. Потом достал из внутреннего кармана куртки маленький клочок, сложенный вчетверо. Развернул. Это была фотография, потрёпанная, с белыми линиями сгибов. Маленькая женщина с короткими светлыми волосами, в медицинской шапочке, смеялась, придерживая рукой халат на ветру. Позади неё был мост и светлая вода.

— Я три года думал, что это нужно забыть, — сказал он. — Что так будет правильно. Что она жила, а потом всё закончилось, и надо идти дальше. Только это неправда. Я не могу идти дальше, пока не узнаю.

— Что ты хочешь узнать?

— Что с ней было. Где. Как.

— Дим…

— Я знаю, что скажешь. — Баллон убрал фотографию. — Я знаю, что там нечего найти, кроме костей. Но я хочу увидеть эти кости. Хочу, чтобы они были. Чтобы я мог её похоронить.

Волдырь затянулся и выпустил дым в снег.

— Ладно, — сказал он. — Тогда идём вместе.

— Вместе.

— Только одно, Баллон. Если мы туда войдём, никаких героев. Дошли, сделали, вышли. Без «я останусь, а вы идите». Понял?

Баллон усмехнулся, и усталость, наконец, ушла с его лица, оставив только старую, упрямую решимость.

— Понял, — сказал он. — Договорились.

Мимо, шурша шинами по мокрому асфальту, проехал последний автобус. Из окна на них смотрела женщина с ребёнком на руках. Она заметила лицо Волдыря и торопливо отвернулась. Он не обиделся. Только посмотрел ей вслед и подумал об Алисе, которая в эту минуту, должно быть, уже спала в своей кровати под одеялом с зайцами, с этим своим слабым, неровным, невероятно дорогим сердцем.

— Двенадцать миллионов, — пробормотал он.

— Что? — спросил Баллон.

— Ничего. Пошли, пока не замёрзли.

Они встали и пошли по снегу через пустую остановку, и никто из них не знал, что в эту самую минуту, в двадцати двух километрах к западу, под землёй, под бетоном, под тоннами мёртвого города, высокий рыжий человек в белом халате подошёл к стеклу, за которым в янтарном свете мерно дышало нечто длинное, бледное и невероятно красивое, и тихо, с нежностью сказал:

— Скоро, мой хороший. Скоро к нам придут гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.